

и известия византийских писателей, относящиеся к указанной теме, и дал сводку летописного материала. Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) для своей „Древней истории российской“ читал Иордана, Прокопия, Павла Диакона, Зонару, летописца Феофана, Льва Грамматика и другие византийские источники. Он первый показал, что русское государство и культура созданы не варяжскими дружинниками, а славянами, представлявшими собой, по мнению Ломоносова, коренное население междуречья Дуная и Днестра.

Не может быть обойден большой труд Михаила Щербатова (1733—1790) „История российская от древнейших времен“, где собраны воедино огромные „припасы“ исторических знаний о древней России.

Наконец, Н. М. Карамзин (1766—1826) не только подвел итоги исторических работ XVIII в., но и впервые сделал их достоянием широкого круга читателей.

Первые академики-немцы, начав изучение русской истории, занимались собиранием источников по древнерусской истории. Среди них одно из первых мест занимали византийские источники. Это видно из того, что Т. Э. Байер (1694—1738) напечатал в „Записках Академии“ небольшие статьи по специальным темам нашей древней истории, основанные главным образом на византийских источниках, как, например, „О первом походе руссов против Константинополя“ (т. VI), „О происхождении Руси“ (т. VIII), „Русская география по Константину Порфирородному“ (т. IX); И. Г. Стриттер издал на латинском языке четырехтомный свод византийских свидетельств о Руси.¹ В XIX в. русско-византийскими отношениями занимались также П. Круг (1764—1844) и А. Куник (1844—1899). Круг специально занимался вопросами древнерусской хронологии и нумизматики. Наиболее крупный труд его — „Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie“,² в котором впервые была подвергнута специальному изучению византийская хронология в ее связи с русской историей.

По смерти Круга Куник издал его „Forschungen in der älteren Geschichte Russlands“,³ в которых Круг выступал ярким пропагандистом норманской теории. Имя Куника уже в его время было символом ученого чудачества, мелочной, бесплодной и мертвенной академической науки — без высокой мысли, без общей объединяющей идеи. О нем говорили, что он всю свою жизнь только и занимался варяжским вопросом, толчением воды в скандинавской ступе, бесцельным и даже вредным.⁴

Данная выше оценка Кунику недалека от истины. Однако следует сказать, что он написал и напечатал немало статей по византийско-русским отношениям,⁵ немало сделал в области древнерусской нумизматики, которая, отчасти благодаря его трудам, впервые получила более прочное обоснование, но работы его, так же как и работы Круга, были далеки от актуальных вопросов и не привлекали внимания русского прогрессивного общества.

¹ I. G. Stritter. *Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontem Euxinum... e scriptoribus historiae byzantinae et erutae ex digestae a I. G. Strittero. Petropoli imp. Acad. scient., 1774—1779.* (Это издание было подготовлено по инициативе Шлегера).

² P. Kруг. *Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie.* СПб., 1810.

³ P. Kруг. *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands,* СПб., 1848.

⁴ В. Васильевский. А. А. Куник (некролог). *Виз. вр., т. VI, 1899,* стр. 619.

⁵ Там же, стр. 633—636.